

ТАЙНЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ПОЛИТИКИ, ИЛИ ПОЧЕМУ НОРМАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО НЕ МОЖЕТ ЖИТЬ БЕЗ ПРАВОЗАЩИТНИКОВ

Андрей Юров, Секретарь Общественного совета Международного Молодежного Правозащитного Движения (МПД)

■ ЧАСТЬ I

Права Человека и политика
(мнимое сходство и базовые различия)

«Мы каждый день занимаемся только политикой, и больше ни чем. И мы стараемся держаться как можно дальше от политики, никогда не участвуем в ней!»

Из выступления
одного современного
правозащитника

Начнем с вопросов. Тех, что в последнее время стали особенно часто возникать – и в «новых независимых государствах» (в том числе – в России), и даже в «старых демократиях». Видимо, здесь есть какие-то очень принципиальные вещи, если в последние годы тема соотнесения «прав человека» и «политики» стала такой важной. Если само ее обсуждение приводит не только к идеологическим конфликтам, но к международным скандалам, изменению законов и влияет на работу всего гражданского общества во многих странах – а значит, отражается на жизни миллионов и миллионов обычных людей (не очень-то интересующихся политикой и не слишком хорошо представляющих, что такое «права человека», правда ли эти права у них есть, и с чем их есть)...

Почему правозащитников упрекают в том, что они «занимаются политикой»? Почему многие правозащитники не знают, что на это отвечать?

Почему политики часто используют правозащитную риторику?

Почему многие общественные действия правозащитников и акции политических организаций так похожи?

Почему все-таки важно отделять «гражданские и правозащитные действия» от «политической борьбы»?

От слова «политика» многих уже давно тошнит. Это плохо. Плохо, когда граждане считают эту сферу помойкой, куда порядочным людям не следует соваться. Это значит – еще не скоро сами граждане смогут участвовать в настоящей политике и действительно менять свои страны, не отдавая все на откуп узкой «политической элите». Впрочем, есть немало примеров, когда люди, совсем не интересующиеся политикой, вдруг «просыпаются» и говорят: «хватит!», – и тогда они становятся активными участниками политических процессов. Но это – тема для отдельной большой книги...

Понятие «Права Человека» почему-то до сих пор (не смотря на все старания многих недоброжелателей) остается очень модным. И поэтому многие политические и около-политические силы (нередко – оппозиционные) именуют свои действия «правозащитными». Иногда – это просто дань моде и желание «примазаться» к сфере деятельности, завоевавшей своим бескорыстием и многолетним трудом серьезный авторитет в обществе. Иногда – желание все извратить. Иногда – просто недомыслие или откровенная глупость. Кто только не

называет себя «правозащитниками» или «гражданскими активистами» – от полунацистских групп до политических проходимцев, стремящихся ухватить кусок власти или деньги каких-нибудь фондов.

Даже часть самих правозащитников (особенно – работающих на региональном уровне) не всегда понимает фундаментальные различия между «гражданской деятельностью» и «политической борьбой». Иногда такие люди совершенно искренне не понимают этих различий, и не в состоянии понять, чем же они на самом деле хотят заниматься. Особенно часто это встречается у недавно созданных молодежных «общественных организаций». Подход, который здесь хотелось бы представить, основан на трех утверждениях:

1) оба жанра – и «политическая борьба» и «гражданские действия» (в том числе – защита Прав Человека) – нужны и важны для современного («модернизированного») демократического государства, но именно как совершенно самостоятельные формы участия граждан в «овладении» государством («нация – это народ, овладевший государством»);

2) между ними есть принципиальное различие, прежде всего – в целях, и, соответственно, в стратегиях и тактиках работы, – более того, эти жанры не только не близки, но во многом совершенно противоположны;

3) смешение этих двух жанров ведет к весьма печальным последствиям – мы получаем и плохую защиту прав людей, и не очень внятную политическую деятельность.

Конечно, это не единственный подход к проблеме, но очень многие известные правозащитники – и Востока, и Запада – придерживаются именно его. И именно он дает им возможность успешно действовать, защищая Права Человека и в своих странах, и на международном уровне.

1. Язык и Права Человека
Мой хороший друг, один из ли-

деров гражданской экологической сети «ГрОЗА», любит повторять афоризм: «язык – это фашизм». Я с этим отчасти согласен. Потому что язык, действительно, определяет очень многие вещи. И, нередко, для изменения реальности, необходимо изменить язык. Не отдельное понятие – а именно язык!

Приведу несколько примеров, связанных с правами человека.

Первый пример. Может быть, вы заметили (и это стало особенно актуально в последние лет 5-7), что «правоохранительные органы» во многих странах (в том числе – в России) все чаще называют «силовыми структурами». Между этими словами есть фундаментальная разница. Силовая структура – структура, которая с помощью силы должна защищать власть. Правоохранительные органы – органы, которые должны защищать право. Разница не просто есть, а она просто-таки принципиальная! Мне кажется, что чем чаще мы будем милицию называть силовой структурой, а не правоохранительным органом, тем больше она будет становиться именно такой структурой. Чем чаще мы будем им говорить, что они, на самом деле, правоохранители, тем чаще мы будем им напоминать о том, зачем они созданы, и что они, на самом деле, должны делать. Так и язык газет и ТВ, и наш повседневный язык, напрямую влияют на работу отдельных институтов наших государств.

Второй пример. По поводу приспособленности некоторых других языков именно к сфере права и прав человека. Есть такое английское слово «privasy» «прайваси», которое в контексте прав человека на русский язык переводится как «право на неприкосновенность частной жизни» (многие правозащитники даже придумали сокращение – ПНЧЖ!). Ну не было на наших территориях, по большому счету, никогда такого права, не было такого института. Нет и слова...

Третий пример. Почти о том же. Есть такое английское слово «advocasy» «эдвакаси». Нам приходится переводить его как «Действия в защиту общественных интересов». Длинно? Тяжело? Там всего одно слово, а у нас четыре (точнее – пять).

Говорят, что у финских народов есть 40 слов, которые дают определение снега, а у нас снег и снег... Так же и с терминологией в сфере права, прав человека и защиты общественных интересов...

Рано или поздно, нам придется приспособлять и наш язык, и международную терминологию, под наши реальности. Если мы хотим, чтобы гражданское общество стало сильным, общественные проблемы благодаря гражданским действиям решались быстро и эффективно, Права Человека стали бы реальностью, а право на неприкосновенность частной жизни уважалось бы и властью, и другими людьми.

Но «гражданский и правозащитный язык» – тема для отдельных исследований, книг и многолетней работы.

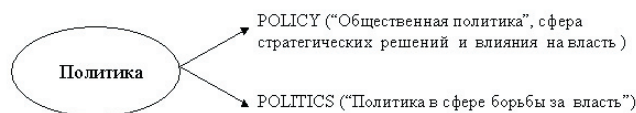
А что касается «политики» – то здесь мы тоже сталкиваемся с языковой проблемой. Употребляя одно и то же слово, мы порой имеем в виду совершенно разные, а иногда – почти противоположные вещи.

2. Права Человека и политика.

Проблема терминологии

Начать стоит с того, о чем мы говорили чуть выше. В русском языке (да и во многих других языках) одним словом «политика» называют очень разные вещи. В этом смысле английский язык точнее (видимо, он оказался более развит в общественно-политической сфере, в то время

СХЕМА 1

как русский – богат другими темами). В английском языке существует два термина: POLICY и POLITICS.

POLICY («полиси») – это то, что мы называем «общественной политикой». Это, если говорить точнее, не политика, а стратегия целенаправленных действий. В этом ряду мы часто говорим о молодежной политике, социальной политике, правовой политике и т.п. В этом смысле Права Человека являются такой же общественной политикой. Как стратегическая последовательность действий и «политическая воля» в направлении качественного и своевременного исполнения обязательств государства по защите прав человека в отношении своих граждан. Естественно, правозащитники постоянно вовлечены в эту самую «общественную политику».

POLITICS («политикс») – это то, что называют сферой борьбы за политическую власть на каком-либо уровне. И вот как раз в той политике, что обозначается словом «politics», правозащитники не участвуют.

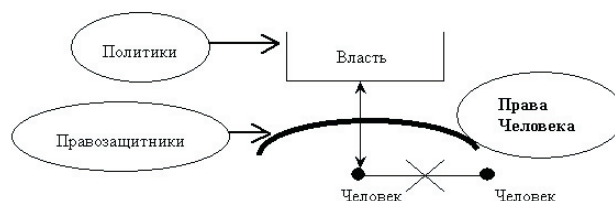
Например, защита права на свободные выборы и контроль за честностью выборов – это абсолютно правозащитная деятельность. Потому что это попытка заставить власть исполнять статьи национальной Конституции и Европейской конвенции по правам человека о честных и прозрачных выборах. Но это и общественная политика, направленная на восстановление доверия народа к институту выборов и реализацию права народа на участие в принятии жизненно важных решений. Здесь правозащитники не отстаивают интересы кого-либо из кандидатов или партий, а лишь – право народа участвовать в принятии решений, в том числе и при выборе власти.

Проблема целей

Когда правозащитники и гражданские активисты проводят гражданские, общественные действия (акции, кампании, митинги), – «действия в защиту общественных интересов» – многие их шаги внешне очень похожи на политические акции. Более того – в процессе их акций и кампаний критика действий власти может быть очень жесткой. Но между гражданскими действиями и политическими мероприятиями есть принципиальное различие.

Цель правозащитников и гражданских активистов – решать общественные проблемы, защищать права людей. Правозащитники, как щит и одновременно как посредник-модератор, всегда находятся между человеком и властью. И при любых действиях, даже достаточно жестко оппонированных власти и критикующих ее, задача правозащитников и гражданских активистов – НЕ дискредитировать и НЕ захватить власть, а защитить интересы народа и остаться на том же самом месте, в роли щита и посредника-модератора (в технике «модератор» – это регулятор силы, скорости, интенсивности цепной реакции в атомном реакторе и т.п.). А значит – для системного решения об-

СХЕМА 2

щественной проблемы и защиты прав – им необходимо вступить с властью в диалог, начать с ней взаимодействие, и – именно в результате такого взаимодействия – добиться установления новых правил, новой системы, решающей проблему и определяющей более высокий уровень защиты прав.

Цель же политической оппозиции – подчеркнуть негативные стороны существующей власти и – стать новой властью, по большому счету – стать новыми нарушителями прав человека, потому что не существует власти, которая никогда бы не нарушала права человека (цель других политических сил – присоединиться к действующей власти, стать ее частью).

В этом смысле любой правозащитник должен четко понимать, что когда он выступает в защиту общественных интересов, власть никогда не должна являться врагом, она является только оппонентом и – потенциальным партнером. Потому что результатом любых действий в защиту общественных интересов является решение конкретной и важной для многих людей общественной проблемы. А любое «окончательное решение» (в виде нового закона, постановления или утверждения новой правоприменительной практики) все равно принимается легитимной властью (ведь именно от какого-то властного органа мы и добиваемся решения проблемы). И власть должна согласиться на это решение, иначе она не будет его исполнять! Любая наша общественная кампания будет бессмысленной тратой времени и сил, или сведется к не совсем корректной саморекламе вместо помощи людям, если мы не будем готовы к такому взаимодействию. Именно поэтому гражданские активисты стремятся видеть власть вначале – в качестве оппонента, а потом обязательно (!) – в качестве партнера.

Дискредитация власти и борьба против нее вредит правозащитной деятельности, потому что с врагом невозможно сесть за стол эффективных переговоров (с врагом возможны лишь временные перемирия с целью набраться сил и снова начать «войну», а затем – добиваться «капитуляции»). Поэтому и сама власть, и гражданские организации должны очень четко отличать, где речь идет об акциях и кампаниях в защиту общественных интересов (в том числе – действиях правозащитников, экологов, профсоюзных активистов и т.п.), а где – о политических информационных мероприятиях. И сами правозащитники не должны бездумно лезть в политические действия, чтобы потом у людей и власти не возникало в голове каша

(а если они вдруг участвуют в таких политических действиях в личном качестве, то это необходимо очень четко и публично оговаривать! – да и то непонятно, как это все-таки возможно...).

Здесь можно привести несколько примеров.

Пример первый

В 1989–90-х годах одна из известнейших в Польше организаций – Хельсинкский Фонд по правам человека – оказалась перед серьезной дилеммой. После «бархатной революции», после того как участники «Солидарности» и других организаций, участвовавших в анти-тоталитарном сопротивлении, получили возможность войти в правительство, многие члены Фонда могли стать достаточно высокопоставленными должностными лицами новой власти. Но как же быть с их статусом правозащитников? И как тогда они смогут защищать жертв уже нового, «хорошего» режима, которые все равно будут? Было принято решение: те люди, которые идут во власть, приостанавливают членство в Хельсинкском Фонде по правам человека. Они должны понимать, что отныне они – на стороне власти (не важно, хорошей или плохой, но власти), а Хельсинкский Фонд должен будет защищать людей теперь и от них, от представителей этой новой власти. Отныне бывшие друзья – уже не соратники, а оппоненты (хотя в личном плане они могут и должны оставаться друзьями). Было принято принципиальное решение, что в этих новых условиях Хельсинкский Фонд должен остаться на том же самом месте – щита – между человеком (любом, который стал жертвой нарушений прав человека, даже если до этого он сажал активистов Сопротивления в тюрьмы!) и властью. Правозащитники обязаны защищать не только «своих» и тех, кто нравится, но всех, точнее – защищать справедливость. Даже если жертвы несправедливости не слишком приятные люди, и у правозащитников могут быть к ним старые личные счета...

Пример второй

Вацлав Гавел, известный чешский диссидент, писатель, один из творцов «бархатной революции» в Чехословакии, отсидевший за свои убеждения. Когда он стал президентом Чехословакии (еще даже не Чехии), то честно обратился к своим бывшим соратникам и призвал их отныне активно критиковать его действия, если им дорого то, ради чего они боролись

так долго, поскольку теперь он будет представлять власть, а значит – являться потенциальным нарушителем Прав Человека. Ибо, если они теперь не будут его критиковать (помня, что это «их друг-президент»), значит все, за что боролись – зря; значит боролись – не за справедливость, и не за измене системы, а всего лишь за то, чтобы сменить одних, «дурных» властителей – другими «хорошими». Вот это – замечательное понимание роли и места гражданского активиста, с одной стороны, и политика – с другой. Это – понимание того, что с завтрашнего дня ни один, даже самый замечательный политик, не в силах сменить всех полицейский, тюремщиков, работников паспортных столов и т.п., – а значит, они будут продолжать нарушать права человека. А он, как высшее должностное лицо, готов нести за это ответственность. Стремиться исправить ситуацию, но отвечать за нарушения прав от имени государства. Следовательно – ему просто необходима «обратная связь», критика – со стороны гражданских активистов – тех своих бывших соратников, кто не пошел во власть, но остался между властью и людьми, чтобы защищать их права.

Эти два примера отражают понимание жесткого водораздела между политической деятельностью («политикой»), с одной стороны, и правозащитной работой («Правами Человека»), с другой. Каждый гражданский активист должен четко осознать: хочет ли он в ближайшем будущем идти во власть или же готов остаться на правозащитных позициях, в самом сложном положении – «между» – в роли «щита и защиты для людей от власти», а также «посредника-модератора». Несмотря на всю свою возможную популярность и стремление как можно быстрее изменить ситуацию, придя во власть.

Важно осознание того, что если правозащитник идет во власть, он, к сожалению, перестает быть «действующим правозащитником», и становится «реальным политиком». И важно, чтобы и власть, и общество в целом научились понимать, с кем они имеют дело, – с политиком или правозащитником, – и в соответствии с этим были бы готовы выстраивать стратегию взаимодействия. При этом, естественно, хорошо, когда политик разделяет принципы Прав Человека, осознает роль и обязанности (!) власти по их защите – и в этом, только в этом смысле, является правозащитником.

Пример третий

Проблема асимметрии Политики (особенно – находящиеся во власти, или собирающиеся во власть) должны признавать Права Человека и способствовать их эффективной защите. Именно как представители «сферы власти – сферы политики». Они обязаны в той или иной мере заниматься Правами Человека!

Правозащитники, действуя в сфере «общественной политики», совершенно не обязаны хоть как-то участвовать в политической сфере борьбы за власть. Они могут заявлять о поддержке тех политических действий, политиков и партий, которые ведут к более эффективной защите прав человека. Более того, они должны занимать достаточно активную позицию по отношению к политическим силам – «поддерживая справедливость и выступая против неверных политических тенденций». Но гражданские активисты совершенно не должны участвовать в борьбе за власть. Им это даже противопоказано...

Создается несимметричная ситуация?

Да. И это связано с природой власти и правозащитной работы. Власть обязана соблюдать Права Человека по отношению к людям. По большому счету, именно для обеспечения этих самых прав ее и выбирают. Для политиков это – обязанность. А гражданские активисты выступают в роли «защитников прав людей», для них это – общественное служение, которое они выбирают добровольно, исправляя то, с чем не может справиться власть. И именно в этой своей уникальной роли они особенно эффективны.

3. Общественные проблемы и Права Человека

Еще больше сужая сферу защиты прав человека, мы должны отделить теперь уже даже не «политику», как иную сферу, а очень близкое направление – гражданскую активность – от собственно правозащитной работы. Зачем?

Дело не в том, что защита других общественных интересов менее важна. Но только разделяя виды проблем, можно научиться эффективно их решать, понимая, какие стратегии и тактики в каждом случае применимы и эффективны.

Здесь не хочется всерьез останавливаться на том, что такое «общественная проблема» (это тоже – тема для отдельных книг, лекций, семина-

ров и т.п.). Интуитивно мы понимаем, что речь идет о какой-то серьезной несправедливости. Причем, как правило, в отношении значительного числа (иногда – тысяч и даже миллионов) людей.

И когда мы говорим о решении общественных проблем, или, как это часто называют – Действиях в Защиту Общественных Интересов – мы чаще всего сталкиваемся НЕ с нарушениями прав человека (в строгом смысле), а с какими-то другими типами «несправедливостей».

Итак, к правозащитникам и гражданским активистам регулярно обращаются люди со своими проблемами. Обращаются, когда чувствуют некую несправедливость. Особенно – когда такие проблемы носят массовый характер. С моей точки зрения, есть три разных типа проблем, типа «несправедливостей». И нам принципиально важно понять, к какому типу проблем относится ситуация, с которой к нам пришел тот или другой человек (или группа людей).

Понять – чтобы помочь!

Первый тип проблем – это не только нарушение закона (права), а именно нарушение прав человека. Его важно выделять, потому что по поводу таких нарушений можно использовать именно механизмы защиты прав человека – и национальные (внутригосударственные), судебные и внесудебные, и международные, – чтобы добиться справедливости. Это все пункты, например, Европейской Конвенции по правам человека – право на жизнь, свобода от пыток и жесткого обращения, право на справедливого суда, свобода слова, свобода собраний, свобода ассоциаций и т.п. О механизмах защиты именно «прав человека» написаны сотни толковых книг, и поэтому можно, не «изобретая велосипед», использовать опыт других правозащитников.

Второй тип проблем – когда нарушен закон (право), но это право не относится собственно к правам человека. Если, например, грубо нарушен закон о защите прав потребителей, то это, конечно, явная несправедливость, и нарушен закон, но защита прав потребителей не относится к правам человека. В этом случае пожаловаться в Европейский суд нельзя. Это – законы нашего государства. И мы должны искать методы защиты от нарушения таких законов. Здесь тоже много своих эффективных методов борьбы с несправедливостью.

В каком-то смысле это – расширенный вариант несправедливости 1-го типа, но там мы все-таки отдельно и преднамеренно выделили именно Права Человека – как универсальный и международный стандарт.

Третий вид проблем – то, что мы называем «общей несправедливостью». Это часто очень важные вещи, но они не относятся ни к категории права, ни уж – тем более – прав человека. Когда нет закона, на который мы могли бы сослаться, в защиту общественных интересов.

Если в вашем городе плохие дороги, много пьяных (не хулиганов на улице, а просто пьяных), высокие цены на проезд в городском транспорте и т.п., то для людей это очень важно. А вот закона, позволяющего на кого-то подать в суд, чаще всего нет. И мы должны осознавать, что такие моменты, конечно, относятся к общественным интересам, и, может быть, к «задачам государства», но пока (до принятия соответствующих законов) – не к области права, и уж точно не к «правам человека», как бы нам ни казалось это все несправедливым.

То есть даже сфера гражданской активности (если хотите – общественной политики), или – борьбы с «несправедливостями», лишь в очень малой части касается собственно Прав Человека (всего лишь как первого типа «несправедливостей»). Даже здесь различия существенны. И даже здесь необходимо четко разграничивать формы и методы деятельности, не путая права человека с любой «защитой справедливости».

Тогда не удивительно, что, по мнению многих правозащитников, между сферой прав человека (всего лишь как части гражданских действий в целом) и политикой лежит пропасть.

■ Часть II

Роль правозащитников и правозащитных организаций в современном государстве

4. Правозащитники и государство

Очень часто правозащитников обвиняют в том, что они якобы разрушают государственность. Говорят, что они лишь «поднимают крик» там, где не нужно, и тем самым «роняют международный авторитет» своей страны. Вопрос в том – зачем настоящие правозащитники критикуют власть? Для

того, чтобы дискредитировать ее (как часто делает оппозиция) и сделать саморекламу? Или для того, чтобы власть прислушалась к ним и начала позитивные изменения?

Если посмотреть на работу правозащитников непредвзято, станет понятно, что правозащитники укрепляют государство. Сила государства в доверии к нему граждан. Если граждане не верят государству, то оно разваливается (так произошло с СССР).

Правозащитники, вроде бы «ругая» государство, добиваются позитивных сдвигов, заставляют государство идти навстречу человеку. Тем самым они укрепляют доверие, пытаются сблизить человека с государством. И, таким образом, служат государству и обществу.

Еще здесь очень уместен популярный во многих странах образ гражданских активистов (в том числе – правозащитников) как «сторожевых собак» / watchdogs (или, если хотите – watch как стража, дозор, или даже – watches of the night как «стражи ночи», «ночной дозор»). Роль «сторожевых собак» – возвысить голос, когда кто-то (например, представитель власти или бизнеса) идет нарушать права граждан, а уже дело всего общества («гражданского общества!») и даже власти (если это разумная власть!) – вовремя остановить нарушителей, и тем самым защитить справедливость. Так и что здесь «ругань» – это вовсе не негатив, а совершенно конструктивная форма защиты прав людей.

Когда «западный» человек говорит о государстве, он говорит «мы», он себя отождествляет с государством. Человек из «Восточной Европы и Центральной Азии» очень редко говорит «мы» про свое государство. Он всегда проводит четкую черту между «мы» (люди) и «они» (власть). Он себя жестко отделяет от власти, тогда как западный человек, как правило, этого не делает.

Правозащитники же пытаются разрушить барьер между «они» и «мы». Они пытаются сказать, что государство – это тоже «мы». И те, кто нарушают Права Человека – это мы же, потому что государство состоит из нас.

И, что еще очень важно, именно правозащитники и правозащитные организации являются одним из трех типов «внесудебных механизмов защиты прав человека» (помимо государственных и «смешанных» институтов), признанных и на национальном,

и на международном уровне. Среди документов ООН есть даже Декларация № 53,144 от 09.12.1998, которую иногда называют «Манифестом прав и обязанностей правозащитников».

Именно правозащитники помогают государству выполнять одну из самых важных его функций – защиту прав и свобод человека и гражданина. Именно они напоминают государству, зачем оно нужно людям. И именно они сами делают то, что пока не успевает, не может или не умеет делать государство в сфере защиты прав каждого из нас.

5. Правозащитники и власть
«...Правозащитник всегда готов работать с властью, если она легитимна и не превратилась в диктатуру. Если для кого-то власть – это враг, то мы имеем дело уже не с правозащитником, а с революционером, бунтарем. Я, как правозащитник, критикую власть там, где ее нужно критиковать, и хвалю там, где ее нужно хвалить. Вне зависимости от своих личных чувств к тем или иным политическим фигурам...». Это – цитата из публичной лекции одного известного европейского правозащитника.

Гражданские активисты – правозащитники, экологи, активисты других организаций, – это те, кто на самом деле защищают власть от перерождения и, следовательно – от падения. Они делают любую власть более человеческой. В стране, где правозащитники сидят в тюрьмах, власть не слишком крепка, даже если это диктатура (она рано или поздно развалится). В стране, где много правозащитных организаций и они критикуют власть, а власть к ним прислушивается и взаимодействует с ними – вот там власть является влиятельной и авторитетной, а значит – сильной. Там не будет сильного социального взрыва. Роль правозащитников и гражданских активистов – это еще и социальное посредничество-модерация, позволяющее избегать тяжелых конфликтов и революций. Это нужно очень четко понимать.

Часто власть сама не понимает, что правозащитники укрепляют эту самую власть. И пытается с ними ссориться. Вместо того, чтобы поддерживать их работу и конструктивно взаимодействовать с ними.

Правозащитные организации провозглашают своеобразными социальными нитями пространство между властью и обществом, позволяя людям

защищать свои права, решать проблемы и чувствовать «возможность справедливости», что важно для каждого человеческого существа.

Они создают дополнительные социальные связи. И власть становится не далекой и бесчеловечной, а более понятной и близкой людям, потому что они видят не только несправедливость, но и торжество закона.

Правозащитники – это люди, которые сделали свой выбор: быть всегда между властью и человеком – в роли щита и посредника. И при любой власти они будут здесь – на этом месте. А политики – это те, кто хотят сменить существующую власть на новую – «на самих себя» (на власть, которую они, видимо, считают более «хорошей»). И значит они, политики, – с момента их прихода к власти – хотят они того или нет – станут новыми нарушителями прав человека. Я не верю в то, что если завтра к власти придут одни замечательные люди, то сразу не будет нарушений прав человека. Будут при любой власти. Будут – по определению. Такова природа власти. Как, с другой стороны, ее задача – защищать права человека.

И поэтому для нас, правозащитников, работы всегда будет много. Кто бы ни был у власти. И как бы мы к ним ни относились. Если мы, конечно, правозащитники, и готовы постепенно – шаг за шагом, год за годом – менять ситуацию и решать проблемы защиты Прав Человека – системно и последовательно.

Андрей Юров и Георгий Сатаров открыли на портале Всероссийского гражданского конгресса (CIVITAS.RU) очень важную для любого сообщества дискуссию о ценностях: о задачах и роли правозащитников, о месте по отношению к власти и обществу, о необходимости самоопределения и личного выбора каждого члена сообщества.

Оказалось, что дискуссия актуальна и интересна не только для профессионалов в правозащите, но и для нового поколения – к разговору мэтров подключились молодые правозащитники Дмитрий Макаров, Андрей Черемных, Анна Добровольская. Почитать дискуссию целиком можно на портале Всероссийского гражданского конгресса в разделе «Открытым текстом»: www.civitas.ru/openarticle.php

ДИСКУТИРУЯ С АНДРЕЕМ ЮРОВЫМ

В ОБСУЖДЕНИЕ СТАТЬИ «ТАЙНЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ПОЛИТИКИ...»

Георгий Сатаров, *Сопредседатель Всероссийского гражданского конгресса, президент Регионального общественного фонда «Информатика для демократии» (ИНДЕМ)*

Я признателен Андрею Юрову за то, что на сайте Всероссийского гражданского конгресса он начал важную дискуссию о месте правозащитного сообщества между молотом власти и наковальной общества. Я согласен с большинством соображений, приведенных в его статье, но полагаю крайне важным продолжить эту дискуссию. Причина очевидна. Нормативная модель, определяющая позицию правозащитников как медиаторов и модераторов, абсолютно верна, но касается следующих начальных условий, заданных самим автором в тексте: речь идет о современном демократическом государстве.

Ключевой тезис статьи может быть сформулирован следующим образом: «Всякая власть плоха, потому с ней надо взаимодействовать и не надо ее дискредитировать». Этой фразы нет в тексте, но набор наличествующих тезисов легко и эквивалентно преобразуется к ней.

Даже оставаясь в рамках заданных автором условий – современного демократического государства – легко усомниться в универсальности и абсолютности указанного тезиса. Чтобы было легче убедиться в этом, давайте проделаем простое интеллектуальное упражнение: изоморфно (как говорят математики) отобразим этот тезис в другую предметную сферу. Тогда может получиться что-нибудь вроде следующей фразы: «Все женщины плохи, поэтому давайте искать их благосклонности и никогда не будем сочинять про них анекдоты.»

Бредовость логики обнаруживается сразу. Читатель вправе спросить: «А можно ли взыскать женской благосклонности, не предполагая, что женщины плохи?», или «Можно я больше не буду иметь с ними дела, раз они плохи?» или «А что, правда нельзя больше рассказывать анекдоты про дам?» и т.п. Вопросы столь же нелепы, сколь и исходное утверждение. (Прошу прощения у дам, я готов переписать этот пример, заменив дам на джентльменов.)

На этом можно было бы и закончить. Но автор и читатели могут предъявить мне справедливые претензии: «Стоило ли начинать статью, чтобы ограничиться этим упражнением?» Согласен, Продолжаю.

Андрей Юров, грамотно, интересно и искусно разобрав отношения в треугольнике «правозащитники – власть – оппозиция», остановился на пороге вопроса, который автоматически вытекает из статьи: а что делать, если власть не демократическая? Не получив ответа, мы вправе задать себе и другие вопросы: а как быть с приведенной моделью, если мы все находимся в условиях фашистской диктатуры, все ли тезисы статьи остаются справедливыми? А как быть с Вацлавом Гавелом, приводимым в статье в качестве примера правильного поведения президента в демократическом государстве, когда он по полной программе, будучи правозащитником, не только дискредитировал, но и обрушивал советский режим? А что делать в множестве промежуточных ситуаций, которые находятся между нормальной современной демократией и фашистской диктатурой (ведь жизнь неизмеримо сложнее любых примитивных моделей)? А как поступать правозащитникам, если они видят, как власть неуклонно движется от демократии к диктатуре? В состоянии ли мы провести границу, по одну сторону которой работает модель автора, а по другую – некая другая? И кто возьмет на себя ответственность проведения границы? И какая она, эта другая модель?

Наметок ответов на эти вопросы приведенная автором модель не предусматривает. И потому дискуссию надо продолжать. Я бы счел себя безответственным наглецом, если бы притворился, что обладаю ответами на все эти вопросы. Поэтому, чтобы раздуть угли дискуссии, сформулирую несколько тезисов.

Сначала отмечу только, что Андрей Юров в качестве полемики приема

сооружает в статье некую мельницу, которую несколько раз атакует в статье. Он говорит о неких правозащитниках, которые не должны бороться за власть. Ясно, что он печется об этом, имея в виду не абстрактную модель, а нашу с вами нынешнюю политическую реальность. Я не знаю среди знакомых мне людей правозащитников, намеревающихся получить власть. Но знаю немало таких, которые борются за то, чтобы у нас в стране была возможна легитимная борьба за власть. Подозреваю, что они озаботились этим, ясно ощутив дефицит такой возможности. Обращаю внимание читателей, что это, согласно описанной автором модели, не пачкает белых правозащитных одежд.

Вернемся к вечно плохой власти. Я уже говорил, что согласен с этим. Добавил бы, что этот тезис можно расширить: в природе вообще не существует совершенных организмов, будь то биологических, будь то социальных. Опасаясь навлечь на себя гнев коллег, скажу: в природе нет совершенных правозащитников, политических аналитиков и спортсменов. Между тем, есть спортсмены настолько плохие, что их даже не включают в сборную, а некоторых даже дисквалифицируют, не заботясь о проблеме взаимодействия с ними.

Я к тому, что тезис о вечно плохой власти сильно упрощен. Вот, к примеру, три градации.

Случай первый: «эксцессы исполнителей». Понятно, что в этом случае правозащитники говорят: «Любимая власть. Ты приняла классные законы, но кое-где, порой, отдельные бюрократы их не исполняют.» Власть отвечает: «Опа! А ведь действительно! Ну, мы это мигом исправим, а вы бдите и дальше.» Хорошо!

Случай второй: «законодательный идиотизм». Власть молодая и не опытная, хотя довольно демократическая. Время от времени принимаются законы, потакающие каким-то частным интересам, но ущемляющие права граждан, или просто дурь неграмотную называют законами. Правозащитники: «Власть! Нехорошо! Давай-ка мы поможем принимать нормальные законы. У нас ведь куча классных экспертов. А потом вместе будем блости исполнение хороших законов.» Власть: «Не ваше это конечно дело, но ладно. Давайте попробуем.» Тоже неплохо.

Издается при содействии Фонда Джона и Кэтрин МакАртуров и Национального Фонда в Поддержку Демократии

NEED

Газета зарегистрирована министерством РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство ПИ № 77-12469 от 29.04.2002.

Подписано в печать – 2.06.2008.
Дата выхода – 5.06.2008.
Тираж – 1000 экз.
Отпечатано в типографии ПЛ.
Распространяется бесплатно

Адрес редакции:
103045, Москва, Б. Головин пер., д. 22, стр. 1
Почтовый адрес:
394000, Воронеж-центр, а/я 152.
Тел.: (495) 207-42-08, (4732) 55-39-47.
yhrm_info@hrworld.ru

Адрес типографии и издателя:
394000, Воронеж-центр, а/я 163.
Тел.: (4732) 54-55-29. literary@hrworld.ru

Учредитель – БФ «Интернациональный проект – Молодежное правозащитное Движение».
Издатель – Профсоюз Литераторов.
Выпускающий редактор – Ольга Казарина.

Дизайн – Захар Ящин.

Макет, верстка – Андрей Бубликов.

центр поддержки малой прессы